

Михаил Веллер

Баллада о бомбере

*Часть сборника
Баллада о бомбере (сборник)*

Михаил Иосифович Веллер

Баллада о бомбере

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145095

Веллер М. Баллада о бомбере (сборник): Астрель; Москва; 2012

ISBN 978-5-271-41362-9

Аннотация

***НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ВЕЛЛЕРОМ МИХАИЛОМ ИОСИФОВИЧЕМ, ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ВЕЛЛЕРА МИХАИЛА ИОСИФОВИЧА.**

«...внизу, на подходах к Витебску, звукометристы крутили штурвалы своих раструбов, а номера зенитных расчетов вкладывали кассеты в казенники зенитных автоматов, и прожектористы держали руки на тумблерах прожекторов.

Мертвый слепящий свет выхватил бомбардировщик из черного пространства. Внизу словно заискрилась огромная электросварка: противовоздушная оборона железнодорожного узла заработала разом. Раскаленные нити зенитных очередей стремились соткаться в саван и накрыть их маленький серебряный самолет, беспомощно влипший в перекрестие голубых мечей прожекторного света.

– Крышка русскому, – профессионально оценил аккуратный немецкий фельдфебель, размеренными движениями сдвигая горизонтальную наводку прожектора, держа цель в центре луча.

Бомбардировщик доживал последние секунды...»

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	20
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Веллер

Баллада о бомбере

Часть первая

Мелодрама в стиле ретро

I

Человек уже полагает, что привык к любым неожиданностям, а как даст ему жизнь по мозгам – он все удивляется и нервничает. Скажем, извольте получить боевое задание: любимую женщину сбросьте ночью с парашютом в тыл врага, пусть она там взрывает мосты, захватывает штабы и рвет коммуникации. А сами возвращайтесь домой, выпейте водки с друзьями, примите поздравления в мужестве и ждите за этот подвиг представления к званию Героя Советского Союза. Весьма достойное распределение женских и мужских обязанностей.

Так рассуждал за штурвалом своего бомбардировщика капитан Гривцов августовской ночью сорок третьего года. По этим рассуждениям, а также по его званию, профессии и времени действия можно предположить, что капитан был

молод. Действительно, исполнилось капитану двадцать три года.

Молодость иногда не мешает людям рассуждать верно. Гривцов в данном случае рассуждал верно: он выполнял именно такое задание. Знать он не мог, чем оно кончится. На войне никогда не знаешь, что чем кончится. Впрочем, не на войне тоже.

Любимая женщина сидела, нахохлившись, в бомбовом отсеке. На ней были сапоги, комбинезон, шлем, на спине парашют, на животе автомат, на поясе всякая дребедень. Величайшей несправедливостью войны ей представлялось в настоящий момент отсутствие лаза между бомбовым отсеком и кабиной пилота.

Будучи людьми военными, вдобавок молодыми, вдобавок влюбленными, они были слишком заняты порученным им делом, друг другом и собой, чтобы представить, сколько человеческих жизней и судеб наматывалось сейчас на ревущие винты бомбардировщика, пропарывающего адову мглу, пульсирующую голубой паутиной грозы.

Через полчаса штурман увидит три костра партизанского отряда, и створки бомболюка разойдутся под радисткой, отпуская ее с парашютом вниз. Они не знали, что самолет идет совсем не туда, куда они думают. Знал это один штурман.

– Курс двести тридцать шесть, – сказал штурман пилоту, аккуратно прокладывая двести тридцать три. Он прикинул поправку на ветер, прибавил двадцатикилометровое смеще-

ние в точке поворота и удовлетворенно усмехнулся.

Если бы он мог через непроницаемую черноту увидеть, что внизу уже приготовились их встретить совсем не те, кто должен был встретить, все бы сложилось иначе.

А так штурман довольно насвистывал, пилот, командир машины, капитан Гривцов страдал, а десантник радистка Катя Флерова ждала, когда она под парашютом пойдет вниз. И все они ошибались.

Еще четыре часа назад они и не подозревали о возможности столь необычной ситуации. Но – в жизни бывает все, а на войне бывает и то, чего вообще не бывает.

Катя Флерова четыре часа назад сидела в блиндаже полкового особиста. Она старательно писала успокоительное письмо маме. Ее отправляют в глубокий тыл, надолго. Что тыл это немецкий, а не советский, она деликатно умалчивала.

Штурман, лейтенант Георгий Гринько, четыре часа назад собирал цветы для свадебного букета.

Командир, капитан Андрей Гривцов, собственноручно брил невесте щетинистый подбородок. Невестой был хвостовой стрелок Паша Голобоков.

Жених, техник-лейтенант Никодимов, бегал по аэродрому и нервно допытывался у всех, не видел ли кто девушки, которая о нем спрашивала. Оказалось, что ее видели все, кроме него. Правда, описывали по-разному.

А инициатор этого розыгрыша, стрелок-радист Саша-Вережка, клянчил у начпрода фляжку спирта, приглашая его за

это быть на свадьбе посажёным отцом.

Экипаж и не подозревал о существовании Кати.

Началось все, как обычно, приходом адъютанта полка:

– Экипаж Гривцова, к командиру полка! С планшетами.

Невеста, сержант Павел Голобоков, тихо сказал:

– Вылет!.. Капитан, с тебя банкет. К черту свадьбу, у нас именины. За этот вылет ты получаешь Героя..

В принципе он был прав. Независимо от боевого задания и даже его выполнения, за этот вылет Гривцов должен был получить Героя. Потому что это был сотый вылет. По указу, за сто вылетов штурмовикам и бомберам давали Героя.

По аэродрому пошел слух: Гривцов летит получать Героя. Героев в полку не было.

Его сотый вылет должен был стать Катиным первым.

У командира полка вторые сутки болели зубы, был он поэтому хмур и немногословен и выражение лица имел кислое:

– Экипаж, слушай боевую задачу. Доставка груза с парашютом. Раскрыть карты. Квадрат К-2-в. Вылет экипажем капитана Гривцова. Время вылета – двадцать три двадцать. Ах-х, черт, зубы-то как болят, а! аж челюсть выламывает. Вы как, ребята, самочувствие нормальное? Везет же людям... Штурман!

Штурман полка зашелестел метеокартой:

– Вот квадрат. Вот мы. Вот гроза. Вот ветер. Пойдете вот так, обратно вот так. В грозу без надобности не суйтесь, запас дальности большой. Высота шесть тысяч метров.

В землянке техник Никодимов нашел наконец невесту в лице Паши Голобокова, кое лицо и обругал. И убежал искать оружейников – срочно готовить машину к вылету.

В двадцать три часа, в полной темноте, накрапывающей легким дождиком («Погодка!..» – ругался штурман), они подошли к самолету.

– Груз в отсеке? – спросил Гривцов.

Никодимов замялся.

Подкатил «виллис» комполка. Из него выгрузились четверо: сам командир, штурман, особист и некто с парашютом.

– Получи груз, капитан.

– Что-о?

– Условия задания ясны? Повтори.

– Где я его повезу в бомбардировщике? В бомбоотсеке?

– Да.

– А чем он дышать будет на шести тысячах, трах-тарарах?

– Пойдешь ниже. Ну, выполняй приказ, капитан.

– Есть выполнять приказ, – хмуро буркнул Гривцов и жестом подозвал «груз». – Раньше хоть летал? Прыгал ночью?

– Андрюша, – сказал «груз» тонким голосом. – Андрюша, это ты?

Гривцов попытался ухватиться за воздух.

– Ка-ка-Катя... – пробормотал он.

– Это я, Катя, – сказал «груз», вздохнул, ойкнул, пискнул, всхлипнул и ткнулся головой ему в грудь.

– Простите, товарищ подполковник, – решительно сказал

Гривцов, схватил Катю за плечо и уволок в сторону под крыло.

– Андрюшка, – прошептала она и крепко прижалась к нему, дрожа и задыхаясь, в своем неуклюжем комбинезоне, давя ему в живот болтающимся спереди автоматом...

– Однако, – сказал комполка. – Это вылет. Это Герой Союза. Отойдем сядем в машину, ребята.

– Катька, – зашептал Гривцов, оторвавшись от ее губ, от ее милого, мокрого от дождя лица. – Катька, два года, вся война, что, как, где, когда, куда?

– Когда – сейчас, – тихо сказала она голосом, старающимся не заплакать. – Куда – знаешь. Где – здесь. Что – разведшкола. Как – обыкновенно. По набору. А ты-то, ты-то?

– Что – я... Тоже обыкновенно. Капитан. Командую эскадрилей. Раз сбивали. Сотый вот, понимаешь, вылет... Вот такой сотый вылет.

– А у меня – первый...

Экипаж под хвостом курил в рукав. Комполка из машины окликнул:

– Пять минут до вылета, капитан. Запускай моторы.

– Сейчас! Сейчас. Катька, Катя, господи... Когда ты вернешься?

– Не знаю...

– Запоминай полевую почту: 52 512, слышишь? 52 512, легкий номер, запомнила?

Его привыкший принимать конкретные решения мозг

вернул себе, кое-как, способность соображать:

– Так. Первое. Замуж за меня пойдешь?..

– Дурак... – сказала она и заплакала. – А ты правда хочешь на мне жениться?..

– Так. Второе. Ведь если сегодня эти ваши костры не будут гореть, вылет повторяем завтра, или как? Но сегодня возвращаемся?

– Не смей, – сказала она. – Андрей, родной... Там ждут связь... Я тоже солдат. Война же.

– Ты с ума сошла, – обиделся он. – Я просто спросил... Вдруг не горят – все равно же возвращаться...

– Ты найдешь костры, слышишь?! – строго приказала она.

– Штурман найдет... Я доведу...

– Экипаж, принять десант и по машинам! – резкоскомандовал из «виллиса» комполка.

О черт, одни бы мне сутки, молил Гривцов, прогревая моторы, вырубивая на старт, поднимая машину в воздух. Одни бы мне сутки... Ведь не боеприпасы скидывать летим, не раненых забирать, ну, посидят они там еще сутки без связи, не помрут... Могут же нас вообще сбить по дороге!

И испугался этой мысли. Невольно подумал, два года относился к этому нормально, был сбит раз, а тут по-настоящему испугался, не за себя ведь.

Нет, думал он, ложась на курс и набирая высоту, довести надо. Или – кой черт, два раза такие случайности не повторяются?

Сейчас за сутки с Катей он отдал бы жизнь не задумываясь. Что жизнь? – все равно война. Авиация союзников теряет за налет пять процентов состава. Двадцать вылетов – сто процентов, постоянное обновление. У них норма – двадцать пять вылетов. Последние пять они делают, как они говорят, «из-за черты смерти». А у меня сто. И неизвестно, сколько впереди...

Черт, в сорок первом не трусил, когда среди бела дня на ночных тихоходных бомбардировщиках, без всякого прикрытия, переправы бомбили. Седьмого июля в их эскадрилье из двенадцати машин уцелело две. И эти две, Кости Звягинцева и его, сбили на обратном пути над линией фронта.

Никто не смеет упрекнуть его в трусости или шкурничестве. У него сто вылетов – норма Героя. У него Красное знамя и «Звездочка», два ранения, он был сбит, он воюет с двадцать второго июня! Пошли они подальше с их связью, двадцатилетнюю девчонку им ночью в грозу в пасть немцам скидывай! Перебыются сутки, перетопчутся.

Капитан Гривцов, это же трусость и предательство, сказал он себе. С тебя же надо сорвать погоны и расстрелять полевым трибуналом.

Да? Пусть сначала те, кто расстреливает, хлебнут войны с мое. Пусть им судьба даст пять минут стояния под дождем с любимой женщиной, чтоб потом самому отвезти ее почти на верную смерть.

А откуда ты знаешь, что они хлебнули и что дала судьба?

У всех любимые женщины, у всех война. А тем, у кого любимых нет, лучше? Легче. Но не лучше. А тем, у кого их уже не будет? Тем все равно.

И все-таки лучше всего будет, если они не найдут сегодня этих костров. И совесть будет чиста.

А дело-то ведь не в том, что ты хочешь уберечь Катю. Все равно не убережешь. Завтра же сам отвезешь и сбросишь. Просто сутки побыть с ней хочешь.

А может, и вся-то жизнь наша в этих сутках?

– Штурман, – сказал он в телефон. – Как твое мнение, найдем костры?

– Видимость по нулям, – ответил Жора. – Гроб задача.

От этой поддержки своим мыслям Гривцов почувствовал невероятный подъем.

– Кстати, – сказал наглец Жора, – тот букет, что я набрал на свадьбу, стоит у нас в банке на столе.

– Ты отличный штурман, Жора, – сказал он. – И ты отлично ориентируешься в любой обстановке.

– Жора, – сказал он через минуту, – верно ведь, гроб найти им в такую ночь и на таком удалении, практически без ориентиров?

– Не дрейфь, – невозмутимо сказал Жора. – Все возможное мы сделаем. Но – погода диктует авиации, мы не боги.

И Гривцов понял, что к утру они вернутся с продрогшей родной Катей в бомбоотсеке и обнимутся, и подбежит понятливый Никодимыч с фляжкой, и весь день, с утра до но-

чи, будет их. А ради следующего такого дня можно воевать еще два года.

И следом понял, что все это понимают. И лежащий в хвосте с пулеметом Паша, и Сашка в своем плексигласовом колпаке сверху, и даже командир полка, наверное, тоже это понимает. И все даже сочувствуют. И никто не посмеет упрекнуть ни малейшим подозрением. И весь полк прекрасно поймет, что командир второй эскадрильи капитан Гривцов плюнул на боевое задание, чтобы провести день с бабой. И не подкопаешься.

Он вспотел. Ему же еще много раз отправлять экипажи на смерть. И они будут смотреть на него понимающими глазами: «Сам ты, конечно, здорово разок сошкурничал, но что ж – ты командир...»

Хуже того. Даже если они на самом деле не смогут отыскать костров, ему никто не поверит. Белыми нитками шито. Мол, знаем, понимаем, верим, молчим.

Влип ты, капитан Гривцов. И так плохо, и эдак нехорошо. А если они увидят костры – что же, не заметить их? И Пашка из хвоста увидит...

Эх, сказал себе Гривцов и провел взглядом по приборной доске. Будем выполнять задание на совесть. Что ж поделаться, Катенька...

– Штурман! – приказал он жестко. – Найти сигнальные костры во что бы то ни стало! Ясно?

– Ясно, ясно, – успокаивающе отозвался Жора. Из его то-

на следовало, что Сашка и Паша все слышат в телефон, а репутация командира должна быть выше подозрений. А штурман старается как может. Все довольны.

– Ты меня правильно пойми, – попросил Гривцов.

– Белены объелся? Конечно правильно.

Но понял он его неправильно. И самолет находился сейчас в ста двадцати километрах от того места, где должен был находиться и которое было отмечено в штурманском планшете. Это имело роковые последствия.

Потому что внизу, на подходах к Витебску, звукометристы крутили штурвалы своих раструбов, а номера зенитных расчетов вкладывали кассеты в казенники зенитных автоматов, и прожектористы держали руки на тумблерах прожекторов.

Мертвый слепящий свет выхватил бомбардировщик из черного пространства. Внизу словно заискрилась огромная электросварка: противовоздушная оборона железнодорожного узла заработала разом. Раскаленные нити зенитных очередей стремились соткаться в саван и накрыть их маленький серебряный самолет, беспомощно влипший в перекрестие голубых мечей прожекторного света.

– Крышка русскому, – профессионально оценил аккуратный немецкий фельдфебель, размеренными движениями сдвигая горизонтальную наводку прожектора, держа цель в центре луча.

Бомбардировщик доживал последние секунды.

Оскалившийся Гривцов, навалившись на выкрученный влево штурвал, вогнав в пол левую педаль, рычал от бессильной ярости и ставил самолет на крыло, чтоб в скольжении протаранить стену света и уйти в спасительную тьму. Воздух, как перину, взбивали зенитные разрывы. Газ был выбран до отказа, и моторы захлебывались надсадным воем.

– Витебск! – заорал штурман.

– Хорошо, что не Берлин, – философски отозвался из хвоста Паша.

– Жора, убью, если не уйдем, – зарычал Гривцов, бросая лязгающую от перегрузок машину из стороны в сторону. – Сашка, давай дымовую шашку!

Стрелок-радист зажег огромную, с кастрюлю шашку для постановки дымовых завес. На привязанном багре выставил ее в лючок своего плексигласового колпака. Густой шлейф дыма рвался за самолетом.

– Держись, пикирую! – Гривцов отдал штурвал до отказа и приподнял закрылки, машина резко просела и ринулась носом вниз, моторы зашлись комариным звоном, боль в ушах, фиолетовые круги, бросок, удар!..

Темнота.

Едкая гарь.

– Вырвались! – выдохнул Гривцов.

– Командир, из правого мотора огонь, – прерывающимся голосом сказал Саша. – Я ранен... Тут в клочья все...

Бешеный огонек струился с правого мотора, рос и набирал

силу. Мотор ревел натужно и терял обороты.

– Не дотянем, – сказал Гривцов.

– Дотянешь, командир, – сказал Жора. – Дуем обратно.

Гривцов развернулся на обратный курс, перекрыл масло и бензин правому мотору, убрал его зажигание и выжал все из левого.

– Если сам погаснет, то дотянем, – сказал он. – Только так не бывает.

– Мы прыгать не можем, – сказал Жора. – Она у нас в бомбоотсеке. Мы не увидим ее парашюта в такую ночь. Если она ранена?

– Паша, ты цел в хвосте?

– Да вроде...

– Саша?

Саша молчал.

Гривцов представил себе залитую кровью Катю в изодранном зенитными осколками бомбоотсеке и застонал. Прыгать с парашютом ему нельзя. Надо как-то сажать, спасти Катю.

Мотор горел с шипением сбиваемого встречным потоком пламени, и бомбардировщик терял высоту.

– Девятьсот метров осталось, – сказал Жора.

Ну держись. Гривцов перевел машину в пологое пике и выжал из левого мотора все. Под крыльями затрещало...

– Разваливаемся! Семьсот километров! – заорал штурман.

– Врешь, – хрипло сказал Гривцов. – Сбили пламя... Вот

теперь пойдём домой. Смотри вперед лучше. Мне уже высоту не набрать...

Они давно вышли из грозы и шли на восток в лунном свете на высоте двухсот метров, когда Паша Голобоков спокойно сообщил из хвоста:

– Большое везение. Истребитель пристраивается.

И огненная трасса прочеркнула над левым, работающим, мотором.

– По выхлопу бьет, гад, – сжал зубы Гривцов. – И угораздило еще нас на ночной истребитель напороться..

«Юнкерс-88», оборудованный фарой для ночной охоты, превосходил их сейчас в скорости на двести километров. Его стрелок крутил в верхней турели спаренный крупнокалиберный пулемет, а штурман пристраивал свой пулемет в прорези носового фонаря.

Он догнал их сзади, уравнил высоту, и из трех стволов размочалил хвост.

– Паша!

Паша не отвечал, лежа в изодранном крошеве своей кабинки. Машина теряла управление.

– Жорка, прыгай! Прыгай, ну!

Штурман прыгнул.

Гривцов отодвинул форточку и пытался разглядеть, что внизу. Внизу был лес. «Юнкерс» зашел снова, и пулеметная очередь пробарабанила по бронеспинке. А в бомбоотсеке была Катя, живая или мертвая – Гривцов не знал.

Он сажал бомбардировщик на лес. Открыл фонарь, отстегнул привязные ремни. Ему повезло хоть сейчас – он сиделся на вырубку.

Удар! треск, хруст, бросок! Сели!

Они плюхнулись на брюхо в болоте среди пней, и многострадальный бомбардировщик вспыхнул разом, будто посадки только и ждал, чтоб сбросить с себя бремя существования на этой войне.

– Катя-а! – дико заорал Гривцов, выпрыгивая из кабины, и замер: бомболюк открывался из кабины штурмана... Но створки люка плотно легли в болотную грязь. Машина горела.

Он бросился к отсеку и забарабанил кулаками, рукояткой пистолета по обшивке. И в ответ прозвучали изнутри слабые удары...

Спас их мертвый Паша Голобоков. Паша возил с собой в хвосте топор, – он был сибиряк и топор считал необходимой аварийной принадлежностью. Гривцов судорожно схватил топор в его кабинке, залитой кровью, и с маху прорубил дюралевую обшивку. «Сейчас, Кать», – хрипел он, вырубая выход из фюзеляжа, пляша в огне со сгоревшими бровями и ресницами.

Два грузовика с немцами заезжали в лес в километре отсюда. И розыскные собаки поскуливали в кузовах.

II

Комбинезон на Гривцове дымился. Он прорубил уже дыру в фюзеляже и сунулся в нее, как вдруг получил удар по голове чем-то тяжелым и железным.

– Рация... – слабым голосом сказала Катя. – Рацию возьми...

– Какая к черту рация! – заорал Гривцов. – Взорвемся сейчас!

Он сорвал с Кати парашют, ранец, всю дребедень и стал пропихивать ее наружу. Катя была в полуобмороке. Она цеплялась за края отверстия, сопротивляясь, и повторяла:

– Рация...

– Да будет тебе рация! – Гривцов поднатужился и протолкнул ее наружу. Кое-как подал ей через дыру рацию и вылез сам. Схватил одной рукой Катю за шиворот, другой – рацию за лямки и стремительно потащил прочь от горящего самолета. Ноги его путались в длинном ремешке планшета, но планшет он не снимал: в нем карта, по ней еще предстоит выбираться отсюда.

– Андрей, ты горишь! – слабо закричала Катя.

Он упал на влажную землю среди пней и стал кататься, сбивая пламя с комбинезона. Комбинезон расплзался, и он срывал с себя тлеющие куски. Наконец погасил, в возбуждении не чувствуя боли в обожженных руках и лице.

В сотне метров от самолета они в изнеможении сели и привалились спинами к огромному пню. Судорожно дышали, глядя на пылающую машину, чуть не ставшую их могилой.

Взрыв потряс лес – это взорвались бензобаки бомбардировщика. Яркое пламя осветило вырубку. В трещащем костре силуэт бомбардировщика словно таял.

– Так, – сказал Гривцов, облизывая обожженные губы. – Первое дело мы сделали – сели. Второе тоже сделали – вылезли из машины на землю. Осталось сделать только третье – дойти до дома.

Он хмыкнул, достал из планшета папиросы и спички и закурил. Спросил Катю:

– У тебя НЗ есть? Или все там осталось?

Лицо у Кати сделалось виноватым. Она достала из кармана полплитки шоколада:

– Вот все...

– Ладно, – сказал он. – Поймаем утром медведя и съедим. А сейчас я докурю, и мы побежим как можно дальше от этого места, и как можно скорее. Немцы – народ педантичный, аккуратисты. Небось уже едут сюда – посмотреть, что от нас осталось.

Он напрягся, вслушался:

– Молодцы, быстро успели. Ну, быстро за мной! Оружие есть?

Сунул руки в ляжки рации, вынул пистолет из кобуры и

тяжело побежал, сожалея об оставленном в самолете Катинном автомате. Она бежала за ним. Темный лес вставал перед ними, дыша сыростью.

Лай собак приближался. Гривцов бежал в темноте, рация тяжело била по спине. Ветви хлестали лицо, ноги спотыкались о корни деревьев. Сзади тяжело дышала Катя.

– Катька, – прошептал он, – если через двести шагов не будет опять болото – рацию твою я бросаю. У них собаки. Самим бы уйти.

Он ясно представлял, что сейчас произойдет. Добежав до вырубки, немцы пустят вперед веера пуль из автоматов и подбегут к догорающему самолету. Потом проводники собак обойдут костер кругом, собаки возьмут след и натянут поводки, и погоня устремится за ними. А их – двое, два пистолета. Сдаваться нельзя...

– Двести шагов, – выдохнул он и сбросил рацию. Катя схватила ее и потащила вперед. Он догнал и отобрал.

– Девочка, дура... – приблизил к ней в темноте лицо, чуть не плача. Она цеплялась за рацию изо всех сил. Секунды терялись.

Гривцов представил себе, как Катя лежит в этом лесу мертвая рядом с железным ящиком рации, застонал от непереносимой муки и, снова надев проклятый ящик, побежал.

С вырубки донеслись автоматные очереди. Все развертывалось именно так, как Гривцов представлял: немцы добрались до самолета.

– У нас минут десять опережения, – задыхаясь, сказал он. – Через полчаса нагонят, не позже...

Где-то между вершин деревьев запели пули – погоня взяла след и двигалась в их направлении.

Но бог войны смилостивился над ними и на этот раз, потому что под ногами зачавкало. То, что им требовалось: болото!

– Только бы не трясина, – прошептал Гривцов, бредя по щиколотки в воде. Он свернул в сторону, чтоб не оказаться на пути преследователей, они продолжат путь наугад, и собаки уже не смогут привести смерть по скрытым водой следам.

Они шли, по пояс проваливаясь в ямы с водой. Гортанные выкрики немцев уже различались. Собаки надрывались от лая и вдруг беспомощно заскулили: они дошли до воды и потеряли след. Последовал взрыв немецкой брани и длинные автоматные очереди: немцы прочесывали досягаемое для стрельбы пространство болота огнем.

Хлопнули ракетницы. Мертвенно-белым светом залилось болото: чахлые деревца и кустарник, кочки, лужи ржавой воды. Болото уходило вдаль.

Гривцов и Катя, по горло в воде, стояли за кочкой, на которой рос куст чахлого ракитника. Рация держалась между его корней.

Гривцов посмотрел на свои светящиеся часы. Часы тикали.

– Полвторого. До рассвета еще часа три. Авось не станут

ждать, уйдут...

Немцы ушли через полчаса. Далеко в болото соваться побоялись.

– Ну, – тихо сказал Гривцов, – сзади нас уже не ждут. Попробуем идти вперед. Тебе по-прежнему нужна твоя рация?..

И тут, когда непосредственная опасность миновала, его словно сладко обожгло: так или иначе, но они с Катей вдвоем!

Катя поднесла к глазам светящийся компас:

– Восток там.

– Это, конечно, здорово, что восток там, – одобрил Гривцов. – А где кончается это болото, твой компас нам не покажет, а?..

И все еще по горло в воде, он обнял ее и стал целовать чумазое мокрое лицо:

– Катька, с нами теперь никогда ничего плохого не случится, слышишь... Нет, еще случится, а живы будем...

– Вот так мы встретились, – шептала Катя, уткнувшись носом в его щеку... – Андрюшка, родной... Ну, веди меня, мой сильный мужчина, капитан авиации и командир эскадрильи...

Он выбрался туда, где было помельче, по пояс. Отломал ветку подлиннее и, ощупывая ею перед собой дорогу в воде, пошел дальше через чавкающее болото. Катя держалась в десяти шагах сзади.

– До света надо на сухое выйти, – сказал Гривцов. – Днем будем тихо сидеть в лесу, а двигаться по ночам.

В половине пятого болото кончилось. В изнеможении Катя опустилась на твердую землю.

– Встать! – грубо приказал Гривцов. – Иди за мной! Ну!

И тихо толкнул ее ногой. Она ахнула изумленно и поднялась.

– Распускаться не дам, – сообщил Гривцов жестко.

Он был старый солдат – два года войны. Он знал, как губительны бывают жалость и сочувствие и как может спасти измученного человека жестокая сила приказа.

На рассвете, когда вершины сосен выступили в сером небе и запели в ветвях лесные птицы, Гривцов и Катя рухнули в траву на укрытой кустарником поляне.

– Так, – сказал Гривцов, отдышавшись. – Первое: как там у нас с солнцем? Не предвидится. Костер. Сушиться. Греться.

Он натаскал сушняку и поднес зажигалку, но фитиль отсырел, и огня не было.

– Второе. Сушим все, что можно сушить. – И аккуратно разложил на бугорке двенадцать папирос из портсигара.

– Третье. Иди за этот куст, снимай с себя все и кидай сюда – выжму как следует. – Он в смущении отвернулся.

Катя покраснела, хотела что-то сказать, но молча встала и скрылась за указанным кустом. Через минуту оттуда вылетели ее комбинезон и гимнастерка.

– Брюки! – строгим голосом приказал Гривцов.

Вылетели брюки.

– Остальное! – приказал Гривцов еще более строго.

После паузы дрожащий голос из-за куста воспротивился:

– Остальное я сама!

– Только как следует!

Отжав Катины вещи, Гривцов отошел и занялся собой. От комбинезона остались одни лохмотья. Гимнастерка и галифе были в подпалинах. Противнее всего было натягивать вновь сырое белье.

– Катя, – позвал он. – Помнишь, мы в июне были на пляже? Ну, перед войной? Так вот, приказываю: форма одежды – пляжная. И без дураков у меня! Сушиться будем.

Однако форменные подштанники в качестве пляжного костюма были явно неприличны. Подумав, Гривцов сунул ноги в рукава нижней рубашки и после некоторых усилий соорудил шорты вроде тех, в которых Робинзон Крузо гулял по берегу после кораблекрушения.

– Так! – бодро сказал он, довольный своей находчивостью. – Ты готова?

Из-за куста ответили неразборчиво, но интонация была отрицательной.

– Считаю до двадцати...

Он тоже смутился, решил, что уже светло и костра видно не будет, попробовал зажигалку – фитиль подсох, и веселый огонек побежал по куче сухих ветвей. Пламя затрещало, по-

веяло теплом.

– Иди к костру. Я смотрю в другую сторону. А то силой вытащу.

Они грелись, сидя по разные стороны огня спинами друг к другу.

– Суши брюки, – приказал Гривцов, и Катя стала держать поближе к костру свои влажные брюки, от которых шел пар.

Потом она оделась, он сушил свое и сдерживал вздохи, глядя на тоненькую шейку, торчащую из ворота гимнастерки, и подстриженные на затылке пушистые каштановые волосы.

Вышло солнце. Папиросы высохли, и Гривцов закурил.

– Завтракаем, – скомандовал он, достал из планшета Катин шоколад, разломил пополам, половину снова разломил на две неравные доли и большую дал ей.

По карте из его планшета они попытались определить. Ничего хорошего из определения не следовало: километров триста до линии фронта. Около ста – до места, где Катю должны были встречать.

Рация не работала. Катя разложила на солнце подмокшие блоки питания.

До вечера им предстояло решить задачу: идти на восток, к линии фронта, держась лесами и кормясь тем, что под ногами растет, или на запад – дня за четыре можно было дойти до назначенного Кате места и попытаться найти ее группу или партизан – кто там ее ждал.

И, сделав все неотложные дела... они замолчали и неуверенно посмотрели друг на друга. И думали оба одно: «А если не дойдем? А если этот день – для нас последний? На фронте загса нет, а здесь – тем более...»

– Черт... – сказал Гривцов беспомощно, – Катя, я люблю тебя...

– Я тебя тоже... – прошептала она, отвела взгляд, сжалась и отодвинулась.

И вдруг Гривцов прояснел, словно нашел самое простое решение:

– Катя, – сказал он легко, и даже засмеялся, – выходи за меня замуж!

– Когда? – спросила она и тоже засмеялась. – Хорошо, Андрюшка, дурак! Конечно выйду!

Изменившимся голосом он сказал:

– Сейчас...

– Ты с ума сошел...

Он сорвался с места, через минуту вылез из кустов с букетиком каких-то белых цветочков, стал на колени, протянул ей и повторил голосом, хриплым от горя, что вот сейчас она скажет «нет»:

– Катя, выходи за меня замуж... – И неожиданно почувствовал, что что-то теплое расплылось в его глазах и поползло вниз по щекам.

– Господи боже мой, – сказала Катя, обняла его, прижалась и со вздохом закрыла глаза.

И в его закружившейся голове какое-то время еще стучало: «Теперь можно и умирать... теперь можно и умирать... Теперь можно и умирать...»

– ...Теперь можно и умирать... – медленно возвращаясь в реальный мир, прошептал он в Катины пушистые волосы.

Она вздохнула, пошевелилась, всхлипнула, подняла на него глаза, вытерла слезы и засмеялась:

– Фигушки! Вот теперь умирать тебе никак нельзя! Что я, спрашивается, без тебя буду делать, а? Так что теперь будьте любезны жить, товарищ капитан!

Странное дело: Гривцов мог бы в этот миг поклясться, что никогда не умрет.

Вечером они съели остатки шоколада и тронулись на запад. Гривцов опять волок на себе неработающую рацию: Катя уверяла, что питание высохнет, и все будет в порядке.

За ночь они, по его подсчетам, прошли километров двадцать пять, и на рассвете снова устроили лагерь на поляне. Все было бы неплохо, но есть хотелось невероятно. Гривцов выкурил еще одну папиросу, насильно скормил Кате горсть зеленых метелочек завязи еловых шишек («Витамины!») и приказал играть отбой.

На следующий день, с болью глядя на осунувшееся Катино личико, он плюнул на предосторожности, взвел пистолет и пошел на охоту. Застрелил довольно тощего барсучка и приготовил из него шашлыки. Половину шашлыков он отложил про запас.

На третий день у Кати ожила рация. От радости Катя воспрянула духом. Ночью она вышла на связь. Инструкции были таковы: постараться найти группу, которая должна находиться где-то в этом районе. В случае неудачи искать партизанский отряд и сообщить об этом.

– А я? – озадаченно спросил Гривцов.

– А тебя мы отправим на самолете обратно, – пообещала Катя.

Если б она сейчас знала, что ее обещание сбудется совсем не таким образом, как она себе представляла!

На четвертый день они наткнулись на деревню. Гривцов велел Кате сидеть в лесу, а сам кустами пробрался ближе.

Покосившиеся серые избы стояли безмолвно. Ни визга свиней, ни кудахтанья кур... И эта далекая глухая деревенька была опустошена войной... Выждав с полчаса, Гривцов с пистолетом наготове стал красться к крайней избе. Перемахнул через покосившуюся изгородь в заросший бурьяном огород. Подполз к маленькому оконцу. Затаив дыхание, заглянул в дом...

Старуха в черном вдовьем платке, с темным морщинистым лицом, гладила худую кошку, свернувшуюся у нее на коленях.

Гривцов тихонько постучал в окно:

– Бабушка... Эй...

Старуха вздрогнула. Кошка потянулась и спрыгнула на пол.

– Немцы есть у вас? Я свой, русский...

Испуганно оглянувшись, старуха подошла и отворила окно:

– Ты оружие-то спрячь... Что тебе надо?

Голодом и бедой пахло в бедной избе. Через минуту Гривцов сидел за покосившимся столом и жадно хлебал из миски тюрю из жмыховых лепешек с лебедой, размоченных в воде, а старуха, пригорюнясь, глядела на него и рассказывала:

– Кто куды разошлись все... Человек, почитай, двадцать осталось... Немцев у нас нет, в сорок первом в августе были недолго, и ушли... А полицаи в восьми километрах здесь, в соседней деревне, в Костюковичах, там управа ихня... Каждую вторую неделю приезжают с проверкой, партизан ловить. А только и партизан нет у нас, в нашу деревню не заходили никогда. А вообще есть здесь они по лесам... Вот только четвертого дни к Анне Даниловой заходили четверо, наши, по-военному одеты. Спрашивали тоже, нет ли здесь наших... Ты не их ищешь, сынок?

– Их, – сказал Гривцов. – А куда они пойти могли, мать?..

Старуха посмотрела на него с недоверием и промолчала.

За окном стемнело от туч. Скрежещущий удар пронесся по небесам, и хлынул ливень.

– Я пойду, – Гривцов встал и поклонился ей. – Нет ли еще чего поесть, мать? Там меня в лесу друг ждет... Я летчик, сбили гады меня...

– Куды в ливень иттить? – Старуха недобрим взглядом

пробуравила Гривцова, накинула на голову мешковину и пошла вон из избы, сказав от порога:

– Жди здесь... Скоро вернусь.

Не за полицаями ли отправилась старая ведьма, размышлял Гривцов, сидя с пистолетом у стола и водя глазами по окнам. Уйти? Но там, под дождем, Катя... Она совсем ослабла от голода.

Старуха вернулась с маленьким кусочком сала. Завернула его в узелок вместе с двумя лепешками и подала Гривцову:

– Храни тебя господь, сынок... – и перекрестила его.

Он вернулся в лес, промокший до нитки. Катя, нахохлившись, сидела с пистолетом под раскидистой старой сосной.

– Лопай, – весело сказал Гривцов. – Где-то здесь твои. Три дня назад в деревню заходили...

Он поцеловал ее и почувствовал, что лицо ее пышет жаром.

– Я что-то не хочу есть... – слабо сказала она. – Я, кажется, немножко простудилась...

Если бы Гривцову надо было в этот миг застрелиться, чтоб Катя выздоровела, он сделал бы это не задумываясь.

– Ерунда, – бодро сказал он, не показывая беспокойства. – Мы почти на месте, деревня рядом, ни немцев, ни полиции в ней нет. А ну, за мной!

И уже знакомой дорогой он пришел с Катей в избу.

Увидев их, старуха всплеснула руками, укоризненно покачала головой и принялась разжигать какие-то жалкие ще-

почки в печи. Поставив на огонь воду в горшке, она выставила Гривцова в сени, раздела Катю, растерла куском жесткой холстины и стала поить горячим отваром душистых трав. Кошка терлась в ноги и мурлыкала.

Катя уснула на печи, укрытая грудой сухого тряпья.

– Через два дня здорова будет, – сказала Гривцову старуха. Она внимательно посмотрела за окно:

– А только утром уйти вам надо. Погода будет завтра, сухо. Вдруг полицаи...

Гривцов заснул на полу. Уже светало, когда старуха растолкала его:

– Скорее бегите! Душегубы с проверкой в деревню пожаловали.

Гривцов различил стук колес телеги и зычный мужской голос:

– Спокойно, бабы! Проверочка! У кого партизан или поросенок – давайте его сюда! – И смех.

На четвереньках пробравшись через огород, Гривцов и Катя побежали через луг к лесу. До леса было метров четырехста. Гривцов рассудил, что разумнее преодолеть их бегом: заметят их вряд ли, а в лес соваться, может, побоятся. Вряд ли полицаев много.

Но в местной полиции служили, видимо, опытные и расторопные ребята, потому что один из них сидел на крыше с винтовкой, удобно прислонясь к печной трубе, и вертел головой по сторонам: он выполнял обязанности боевого охра-

нения.

– Двое к лесу бегут! – заорал он. – От избы Глазычихи! – И, аккуратно прицелившись, выстрелил.

Гривцова толкнуло в спину и бросило на землю. Он вско-чил, бросил взгляд на рацию: пуля застряла в ней. Этот же-лезный ящик спас ему жизнь – надолго ли? – но сам стал бесполезен.

Пятеро полицаев уже выбегали за околицу, передергивая затворами винтовок. Один был с автоматом – безотказным немецким «шмайссером».

Гривцов выстрелил несколько раз в их сторону и с удив-лением увидел, как автоматчик ткнулся в землю.

– Удачно, – невольно пробормотал он. – Катя, перебежка-ми!

Петляя и падая, они бежали под пулями к лесу.

Из деревни вылетела телега, рослый детина с белой по-вязкой полицаю соскочил с нее, лег с пулеметом на землю и установил прицел.

– Стрелки... – презрительно сказал он и выпустил по бе-гущим длинную очередь из своего «машиненгевера».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.